

ДРУГИЕ ЛЮДИ

Игорь Лукашенко

18+

Игорь Лукашенко

Другие люди

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Лукашенко И. Д.

Другие люди / И. Д. Лукашенко — «ЛитРес: Самиздат», 2019

"Другие люди" - это уникальное собрание эпизодов из жизни современной богемы. Место действия книги - таинственный город L., в котором реальность и мистика давно сплелись в одно целое. Каждый отдельный эпизод представляет собой историю оригинальной личности, живущей и действующей по внутренним убеждениям. Книга понравится любителям городской прозы, эротических романов, а также философии и психологии. Читатель найдёт в ней ответы на многие жгучие вопросы нашего времени. Кроме того, это произведение способно помочь в поисках своего духовного пути любому, кто прочтёт его с открытым сердцем.

© Лукашенко И. Д., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Игорь Лукашенко

Другие люди

Предисловие

Из всего множества прошедших дней мы, как правило, вспоминаем отдельные мгновения, связанные для нас с чем-то важным. И, думая о грядущем, мы представляем себе избранные картины горя и счастья. Точно также воспринимаем мы книги, фильмы, театральные постановки компьютерные игры... Мы наполняемся эпизодами, яркими вспышками мыслей и эмоций, которые наше сознание выхватывает из неостановимого потока жизни.

Иногда мы представляем себе эпизоды, которых ещё не было, а также те, которые случились не с нами. Да, эпизоды, словно наэлектризованные частицы, перемещаются от сознания к сознанию, от судьбы к судьбе. Когда я давал жизнь первому тексту этой книги, то не думал, что впоследствии создам ещё восемь историй людей, объединённых местом проживания и характером мышления. Похоже, все эти люди давно теснились в моём сознании, с нетерпением ожидая выхода в большой мир. Надеюсь, что мне удалось обеспечить им хорошее литературное будущее.

Руководствуясь очень условным планом, я каждое утро на протяжении трёх с половиной лет писал по несколько строчек этой экспериментальной книги. Получилась она не очень большой, но другой стать, как видно, и не могла. С самого начала я поставил перед собой цель хладнокровно сжимать время действия, превращая годы в дни, а дни в секунды. Поэтому, может показаться, что я сильно спешил расправиться с тем, о чём сейчас говорю с такой серьёзностью. Нет, я намеренно отдалял финал каждого эпизода, позволяя тексту закончиться самому – без моего волевого участия. И всё же, надо быть очень самонадеянным и при этом ироничным автором, чтобы написать о столь близких тебе людях так пафосно и так кратко.

Читать мои эпизоды можно в любой последовательности. Все они – элементы огромной цепи тайных и явных событий, которой я связан с вами, а вы со мной. Некоторым они покажутся чересчур сказочными, а другие найдут в них полезную философию и призыв к действию. Тем и другим я равно сочувствую, так как знаю истинную суть того, что написал. Если кто-то случайно её откроет, то будет поражён тем, насколько она очевидна и, вместе с тем, надёжно укрыта от нашего внимания пеной дней.

Я бы мог назвать свою книгу смесью эротических новелл Боккаччо с духовными излияниями Блаженного Августина. В этом нет никакого парадокса, ведь я писал её вожделирующим телом, ведомым падкой на откровения душой. Не судите меня за то, что в книге слишком много театра и литературы. Я и сам теперь не рад, что проговорился о своих пристрастиях так образно и многословно. Впредь буду осмотрительней. А вам желаю по возможности наслаждаться чтением, узнать новое и остаться в хорошем расположении духа.

Арфистка, или конспект одной жизни

«Есть два вида одиночества. Для одного одиночество – это бегство больного, для другого – бегство от больных»

Фридрих Ницше

1.

Дом был стар и холоден, был населён неразговорчивыми и неулыбчивыми людьми. Она переехала под его черепичный кров, расставшись с мужем и всем своим прежним укладом жизни. До этих пор она старалась не носить одежды чёрного цвета. Самые разные люди видели её всегда в чём-нибудь разноцветном и жизнерадостном. Музыканты часто рядаются в чёрное и белое, словно желают подчеркнуть глубинный драматизм своего ремесла. Она же всем хотела

дать понять о просветляющей лёгкости той музыки, которой жила и которой старалась оживить других. И так, Цинтия родилась арфисткой в самом конце XX столетия, которое и само, без всякого сомнения, родилось из духа музыки.

На сегодняшний день у неё было намечено два коротких выступления. Давний друг попросил её появиться на открытии картинной галереи, а после она должна была ехать в детский дом и за символическую плату играть для его обездоленных жителей. Как и все последние месяцы, её настроение скорее опускалось вниз, чем поднималось вверх. Это состояние было для неё уже столь привычно, что она бы сильно удивилась, проснувшись утром в каком-то ином состоянии. «Возможно, мне скоро... нет, уже теперь надо записаться к психологу. Я чувствую это по звучанию арфы. Нельзя самой превращаться в натянутую струну. И всегда-то у меня надо или нельзя. Интересно, к чему это может меня привести? И какое сегодня число? Теперь время летит так быстро, что забываешь даже самое недавнее. Вот что я делала на прошлой неделе? Хоть бы эти новые чулки не порвались... Продавец сказала не переживать. Но как можно не переживать в мире, где всё так быстро забывается и портится! Так что же я делала на прошлой неделе... О, а квартиру я закрыла?! Боже... Нет, я всегда закрываю. Могу забыть нижний замок, но верхний закрываю всегда, всегда, всегда... Да, на прошлой неделе я дважды была в гостях и трижды выступала. А ведь когда-то я выступала почти каждый день. Неужели сегодня будет дождь?» – так она размышляла на пути от подъезда до автомобиля, припаркованного возле старого, но теперь усыпанного молодой весенней зеленью, каштана. На заднем сиденье автомобиля лежала в чехле кельтская арфа.

Скоро перед глазами Цинтии понеслись прохожие, магазины, бульвары. Она в деталях постигла характер родного города и всё же последнее время чувствовала, что становится ему чужой. Но это волновало её не столь сильно, чтобы она могла задуматься глубже и начать искать причины в чём-то конкретном, развившемся изнутри или, быть может, привнесённом внешней жизнью. Да и прежде она никогда не спускалась в преисподнюю своей души, ибо чутьё подсказывало ей, что спуск окажется бесконечным, а на подъём может просто не хватить сил.

2.

С малых лет Цинтия, мать которой была изнеженной гречанкой, а отец статным венгром, воспаряла над землёй в непрерывных мечтах. Люди искусства должны мечтать намного больше, чем все остальные люди, так как в мечтах они встречаются со своими будущими творениями. Так и Цинтия впервые повстречалась с настоящей музыкой лет в шесть, когда долго не могла уснуть в загородном доме родителей, слушая таинственные звуки майского дождя за окном. До этого решающего момента она уже слышала много хорошей и плохой электронной музыки, которая, впрочем, никак не проникала в её впечатлительное сердце. И вот в кромешной тьме она услышала нарастающий шум дождя, вначале сильно её испугавший и похитивший у неё сон. В городе так близко и отчётливо она никогда не чувствовала дождя. Только деревянные рамы загородной виллы, только невероятная тишина майской ночи позволили ей по-настоящему встретиться с дождём и понять его природу. С тех пор ей долго казалось, что дождь – это некий бог, играющий за окном на своей тысячеструнной арфе. И с тех же самых пор она ещё не в уме, но в своём воображении решила, что посвятит свою жизнь только этому богу. В ту ночь она долго лежала с открытыми глазами, едва различая мир вокруг себя, и с упоением слушала то нарастающую, то замирающую игру таинственного и отныне любимого ей существа.

Конечно, она ни слова не сказала о своей ночной встрече с богом родителям. А те и не спешили интересоваться переживаниями своей чувствительной дочери. Мать до первых звёзд не выходила из своего банка, работой в котором она гордилась и дорожила. Отец продавал автомобили и был также далёк от всего творческого, как большинство людей, для которых денежная выгода становится не только средством существования, но и смыслом жизни.

Чем дольше Цинтия молчала о своём желании служить богу музыки, тем сильнее оно становилось. Со временем и родители стали замечать, что все карманные деньги Цинтия тратит не на кафе и клубы, а на филармонию, зная расписание концертов на полгода вперёд.

3.

Дождя в городе так и не случилось. С небольшим опозданием Цинтия приехала в галерею и отыграла там, по собственным ощущениям, довольно скверно. Впрочем, ей аплодировали и хвалили божественную арфу, подаренную ей человеком, который не хотел иметь от неё детей. Она привычно ловко перебирала струны и сама удивлялась тому, как хорошо за эти годы научилась играть, не отдавая музыке души, не стыдясь мёртвого автоматизма движений. Она никогда не думала, что будет играть только из одной обязанности перед инструментом и перестанет испытывать радость от прикосновения к струнам, перестанет слышать еженощно таинственный голос майского бога.

После выступления в детском доме, где она не только играла, но и пела, что заставило её сделать над собой изрядное усилие, в тело вошла усталость. Она никогда не возвращалась домой сразу, но заходила обычно в какое-нибудь кафе или звонила друзьям. Впрочем, было одно место, куда она могла прийти в любое время и без предупреждения. Туда она и отправилась, не раздумывая, заехав по дороге в магазин с алкоголем.

У Яниса, как всегда, было открыто. Она постучала костяшкой указательного пальца по лакированной поверхности двери и вошла. Квартира сразу же обволокла её запахом кофе и табачного дыма с ароматизатором. Цинтия знала привычку Яниса писать от руки на кухонном подоконнике и потому не стала долго задерживаться в прихожей.

– Я пришла спугнуть твою музу.

– Тогда тебе придётся её заменить, – сказал Янис, не оборачиваясь на Цинтию и продолжая монотонно толочь пальцем сухие останки мух, смешанные с паутиной.

– Можно взять сигарету?

– Да.

– Спасибо.

– Ты откуда?

– Из мира людей.

– И как там?

– В основном предсказуемо. Ты же знаешь, я не умею делиться новостями.

– А я всерьёз хотел заменить этой женщиной свою музу!

– Мне очень жаль, мой Овидий, что в очередной раз не оправдала твоих ожиданий, – шуточно ответила на его иронический выпад Цинтия.

Янис резко крутанулся на табуретке и поднял на Цинтию очень серьёзные глаза.

– Расскажи мне о своих отношениях с бывшим мужем.

– Я не удивлена. Но зачем тебе это?

– Цинтия, ты же знаешь, что поэты не любят разглашать творческих планов.

– Это всё от излишней мнительности.

– Скорее, от здравой предосторожности.

– О, вы умеете жонглировать словами. Хочешь выпить?

– Да.

– И всё же, я не могу вообразить, что ты будешь делать с моими воспоминаниями...

– Положу их в основу поэмы или романа.

– В тебе проснулся эпик?

– Возможно...

– Но мои отношения с мужем совсем не похожи на поэму. Да и роман, я полагаю, выйдет скучным.

– Ты не веришь в мой талант?

- О, ты талантлив. И я не хочу, чтобы ты разменивался на пустяки.
- За меня не бойся.

Янис стал медленно гладить её ногу, сморщивая ткань чулка. Цинтия смотрела на движения его руки и колебалась. Временами ей нравилась близость с Янисом, который был чуток к её телу и при этом мог ненавязчиво заставить её делать в постели то, что ему хотелось. С бывшим мужем она никогда не могла по-настоящему расслабиться. В близости он желал контролировать её движения, был тревожен и постоянно искал у неё подтверждения своей эротической уникальности. Янис гладил Цинтию чуть выше колена и уже готовился к более решительным действиям, когда она внезапно остановила его порыв.

- Не сегодня, Янис, – устало произнесла Цинтия и отошла в сторону.
- Я скучал по твоему запаху, по твоим всхлипам ...
- Ну, перестань, а то я сдамся против своей воли.
- Сдайся.

Поняв, что Янис завёлся и теперь не остановится, пока не достигнет желаемого, Цинтия поспешила уйти, оставив его растерянным и неудовлетворённым. Садясь в автомобиль, она ещё раз вернулась мыслями к Янису и, как бывало не раз, почувствовала себя тотально одинокой.

4.

После музыкальной школы, обучение в которой далось ей поразительно легко, Цинтия поступила в консерваторию по классу арфы. Она не могла представить иного инструмента в руках майского бога, так восхитившего её своей ночной игрой. Намереваясь стать жрицей его культа, она меньше всего думала о карьере и достатке. В её глазах уже не было того пресыщенного равнодушия, с которым приходили в стены высших заведений иные учащиеся старого образца.

Поступив в консерваторию, она всецело отдала себя не только музыке, но и чтению. Оказалось, что она не читала тьму-тьмушую книг, которые теперь, словно стоворившись, ждали её повсюду: в библиотеках, в книжных магазинах, на журнальных столиках друзей и на бесчисленных сайтах. Можно было сказать, что в Цинтии проснулся новый талант, который захватил всё её свободное от учёбы время. Развитию этого нового таланта способствовало и то, что вокруг Цинтии собрались близкие ей по духу и устремлениям люди, порвавшие с потребительской моралью, жадные до знаний юноши и девушки со всех концов света. Музыка была для этих мудрых от рождения людей уже не средством преобразования действительности, как для молодёжи предшествующего столетия, но способом выражения её глубоких и неизменных принципов. Взбалмошные старики называли их поколение предательским и конформистским, не умея разглядеть в его молодой игре признаков смелого новаторства.

Итак, Цинтия училась, читала и восхищалась каждым мгновением жизни. Она чувствовала, что её энтузиазм, её погружённость в стихию музыки и литературы не просто этап и не случайный каприз судьбы. День ото дня Цинтия всё глубже проникалась мыслью о призвании, которая возвышала её в собственных глазах, а временами сильно пугала. И только одно Цинтия знала совершенно точно – жизнь её будет необыкновенной.

5.

Утро выходного дня выдалось солнечным. Цинтию разбудили крики горлинок. А чуть позже зазвонили колокола близкой церкви, окончательно прогнав сон с её глаз. Она откинула одеяло и увидела «Стамбул» Памука, который своим печально-неспешным слогом помог ей вчера уснуть. Сегодня к ней должна была приехать мать, которую она любила, но не разделяла ни одного из её жизненных принципов. Цинтия взглянула на часы и снова закуталась в одеяло, намереваясь ещё полежать и подумать с открытыми глазами.

Она вспомнила, что вчера, перед уходом в «Стамбул» Памука, долго переписывалась в чате со своим знакомым по консерватории, который переехал в Бостон вслед за своей женой,

торговавшей недвижимостью по всему миру. Цинтия чувствовала флюиды любви, исходившие от этого вынужденного бостонца, что наполняло её общение с ним остротой недосказанности.

- Привет, Цинти!
- Здравствуй, Марк! Какая сейчас погода в Новой Англии?
- Та же, что и в старой.
- Промозгло?
- Ещё как!
- Что будешь делать сегодня?
- Иду в церковь. Завтра воскресение, и я должен проверить орган.
- О, надеюсь он не отсырел от ваших дождей.
- За ним хорошо присматривают.
- Ты грустишь?
- Немного.
- Я тоже.
- Всё никак не научусь быть циником.
- А я никак не научусь жить одна.
- В Штатах легче привыкнуть к одиночеству.
- Один поэт сказал, что привычка способна заменить человеку счастье.
- Видимо, он хорошо разобрался в людях.
- Настолько хорошо, что настроил многих из них против себя.
- На манер Христа?
- Да... Только без его смирения.

Они ещё долго болтали в том же духе, обмениваясь сокровенными переживаниями и едкими мыслями. Потом Марк отправился на работу, а Цинтия заняла себя чтением. И вот теперь, наблюдая из постели бледную синеву майского неба, она припоминала вчерашний разговор и мысленно глядела на него со стороны. «Интересно, могли бы мы также свободно открыться друг другу, сидя в одной комнате и разговаривая глаза в глаза? Нет, это сложно представить. Что-то бы обязательно отвлекло, рассеяло... Значит, чтобы заговорить совсем свободно необходима дистанция, сосредоточенность, одиночество... О, да! Это же так очевидно! А если вспомнить переписку великих... Так, кого бы... А, вот, Цветаевой и Пастернака. Да, нет сомнения, что в какой-нибудь московской квартире, с глазу на глаз, они бы не сказали друг другу и пятой части того, что позволили себе в письмах. А всё потому... Почему же? Почему... Да, всё ясно теперь... Письменная речь свободнее и выше устной! Открывать рот, говорить... Как же это иногда пошло выходит! И вся пошлость от того, что мы навязываем слову минутное настроение, физическую грубость, привычки. Вот почему так пошел актёр, наученный правильно говорить... Какой чуткий талант нужен, чтобы не лишиться слова глубины, многосмыслия... Да, да! Произнесённый текст – это опошленный текст! Только письменное, отделённое от нашей личности слово, остаётся...» Тут ей позвонила мать и сказала, что будет у неё через два часа. Цинтия нехотя остановила поток мыслей, обречённо зевнула и резким движением поднялась с тёплой постели.

6.

На третьем курсе Цинтия влюбилась в белокурого альтиста, который в её глазах был выше, талантливее и прекраснее всех мужчин, кода-либо встречавшихся ей на жизненном пути. Семья у альтиста была довольно состоятельной, но он старался этого не выпячивать, и только уверенность каждого жеста, гордая посадка головы и требовательность к окружающим намекали на то, что он привык к роли хозяина любого положения.

Мало есть на свете женщин, которые не искали бы в любимом мужчине черт своего отца. Так случается по естественным причинам, ибо любовь может возникнуть только из тайного сродства душ, тел, назначений. И жизнь, сколь бы ни обвиняли её в непредсказуемой случай-

ности, всегда сводит в одно целое лишь тех, кого нужно свести, и лишь настолько, насколько того требует её общий замысел. В белокуром альтисте Цинтия сразу отметила что-то давно ей знакомое и потому сразу доверила ему все свои тайны, как в раннем детстве доверяла их отцу. Ей хотелось проводить с ним много времени, делиться мыслями о любимых книгах, спрашивать совета. Он охотно рассказывал ей о себе, но в шутиливом тоне, а потому ей казалось, что он всё про себя выдумывает. И надо сказать, что первое время ей нравилась его манера оставаться непроницаемым даже в моменты предельной близости.

Вместе они объездили все старые усадьбы, расположенные вокруг города. Здесь они предавались классическому духу, расправляли плечи и мечтали, что когда-то заработают своим талантом много денег и купят себе изящный особняк с колоннами. Иногда провидение заносило их в самые настоящие руины, забытые властями и давно непосещаемые обычными людьми, где ими овладевало тотальное чувство театра.

– Я представляю себя веймарской актрисой, – неожиданно объявила Цинтия, кружась на стилобате заросшего ивняком и крапивой здания ДК.

– А кем быть мне? – вопрошал с улыбкой на лице альтист, стоя у подножия щербатой лестницы.

– Будь моим Шиллером, любимый.

– Хорошо. А что будем ставить?

– Я бы хотела сыграть Марию Стюарт.

– Ты помнишь слова этой пьесы?!

– Нет, я буду импровизировать....

Так, между музыкой, поцелуями и загородными путешествиями, текла их молодая жизнь, похожая на авантюрное кино без сценария. Они радовались солнечным дням и не замечали облачных, что свойственно только недавно влюблённым друг в друга людям. Эрих Фромм писал, что настоящая любовь одного человека к другому заключает в себе и любовь ко всему окружающему. В этом утверждении пылает чисто мужской идеализм. Женщина любит конкретнее и глубже, пренебрегая многим ради одного. Какое дело ей до любви к пёстроному мирозданию, если она уже нашла то, во что можно вложить всю себя, возвысившись или пав, обретя счастье или погибнув. Такой была и любовь Цинтии к своему избраннику.

Однако после нескольких месяцев любовного наслаждения Цинтия стала подозревать, что у них с альтистом не может быть общего пути. Она не столько понимала, сколько чувствовала его натуру, в обычае которой было загораться новыми проектами без оглядки на обстоятельства и мнения самых близких людей. Цинтия предугадывала также и то, что не останется единственной женщиной слишком увлекающегося, слишком жадного до впечатлений и новых побед мужчины, лишившего её девственности на второй неделе знакомства. Печаль сковала её непривыкшее к страданиям сердце. Теперь каждую ночь призывала она майского бога и просила у него помощи в ситуации, из которой не могла придумать достойного выхода. И однажды, как это бывает со всеми уповающими на волю тайных сил, она получила то, чего так искренне желала.

7.

Мать просидела в гостях у Цинтии не менее трёх часов. Она разговаривала с Цинтией в своей привычной манере: много рассказывала о своих знакомых, задавала дочери вопросы и делала вид, что внимательно слушает её ответы. Цинтия и мать походили на двух русских актрис-соперниц, которые много лет подряд играют в одном и том же спектакле, хорошо знают повадки друг друга, а потому не ждут от очередной встречи на сцене ничего нового. Цинтия знала, что мать интересуется по-настоящему лишь работа и тот круг знакомых, которые всегда готовы были принять участие в светской аванюре с алкоголем и разговорами до середины ночи.

Цинтия остро чувствовала всю глубину пропасти, отделяющей поколение матери от её поколения. Мать всегда жила внешним, модным и продающимся. Поколению Цинтии стал важен внутренний мир, оригинальность людей и вещей, тайна судьбы. Иногда Цинтия завидовала односложности материнского мира, в котором не было ничего теоретического, отвлечённого. В то же время, Цинтия крайне дорожила своей особостью, которая заключалась в умении наслаждаться красотой обыденного, озарённого личными домыслами и фантазиями. И это свойство её натуры было для матери, привыкшей к показной яркости с обязательным привкусом богатства, вопиющим недоразумением и главным признаком инфантилизма нового поколения.

Общение Цинтии с матерью было только общением женщины с женщиной, в котором, как известно, постоянная настороженность и вынужденное лицемерие на корню убивают ростки доверия и теплоты. Они обе это понимали, но измениться не могли, так как упорно верили в свою правоту: мать – в правоту достатка, дочь – в правоту свободного выбора. Очередная их встреча не добавила к прежней истории взаимоотношений ничего нового, что давало им повод к лёгкому раздражению и тайне взаимной обиды.

– Как собираешься провести выходные? – спросила мать, вынимая из сумки зеркальце.

– Скорее всего, с книгой и чашкой чая.

– Цинтия, посмотри на себя и отложи книги подальше. С такой бледностью едут на выходные за город. В идеале – покупают тур в одну из стран Средиземноморья. Мы с отцом переживаем за тебя. Ты слышишь меня?

– Да, конечно, – произнесла Цинтия, словно проснувшись на мгновение.

– Не переставай быть красивой и желанной, встречайся с друзьями, улыбайся мужчинам...

– У меня нет твоей энергии.

– У тебя есть молодость и замечательная фигура.

– Разве этого достаточно?

– В наше время только это и ценят. А будешь много читать, будешь умничать... Ну, ты же понимаешь, что умных женщин мужчины побаиваются. Я понимаю, что расставание с Андреем ...

– С Андреем я разобралась.

– Надо отпустить ...

– Я уже отпустила.

– Цинтия, с тобой трудно говорить по душам.

– Мне трудно что-либо навязать.

В их нескладном разговоре возникла пауза. Потом мать пила чай и смотрела в окно только для того, чтобы не смотреть на дочь. Цинтия курила, включив вытяжку и радио, отстранённо наблюдая за матерью сквозь дым. Ей хотелось уйти вместе с дымом в кухонную вытяжку и не знать больше ни матери, ни этой квартиры, ни игры на арфе... Мать поставила на подоконник недопитый чай и стала собираться.

– Уже?

– Я обещала одной подруге ...

– Тогда всё понятно.

– Цинтия, не проводи так много времени дома.

– Мама, я тебя услышала.

– Надеюсь.

Мать ещё давала какие-то советы, уже стоя в дверях, но Цинтия запретила себе её слушать и спряталась в заросли собственных мыслей. Теперь она твёрдо уяснила для себя, что одиночество – это единственно возможный путь к свободе.

8.

- Но ты же целовал её, не отрываясь, никого не смущаясь!
- Я представить не мог, что так может получиться ...
- О, ты уже давно всё представил у себя в голове и только ждал удобного случая.
- Но она первая ...
- Значит, ты её как-то спровоцировал!
- Возможно ... Я не буду оправдываться... Она интересная, смелая...
- Красивая, да?
- Она ...
- Ты не думай, что я не ждала от тебя измены. Ты был рождён изменником.
- Ты расстроена, вот и говоришь всякие глупости.
- Да, я очень расстроена, но головы не потеряла. Я благодарю Бога, что он не позволил мне окончательно в тебе раствориться.

– Цинтия, я чувствую себя виноватым, да... Но, знаешь, я не могу идти против себя только ради того, чтобы сохранить чьё-то спокойствие. Возможно, что когда-то я этому научусь... Мне двадцать один год. До тебя у меня было всего три девушки. Всего три, Цинтия! Если я теперь остановлюсь на тебе, предложу тебе, как говорится, руку и сердце, то поставлю на своей жизни крест. Мне хочется твёрдо знать, что впереди меня ждёт ещё много интересных женщин. И я буду всегда искать таких женщин, которым необходим новый опыт, которые не замыкаются на любви к одному человеку и хотят приключений. Цинтия, если хочешь знать, то мне нужны революционерки, готовые к подвигу и ничем не стеснённые. Признайся, что и тебе, как человеку с тонким воображением, хочется острых переживаний, а не покладистого муженька с двумя-тремя мыслями в голове и готовыми ответами на все случаи жизни! Возможно, когда нам будет лет по сорок, и мы неожиданно встретимся в одном из отелей Лазурного побережья, всё испытавшие и окончательно повзрослевшие, сегодняшний день и разговор покажутся нам лишь детским пустяком, над которым мы от души посмеёмся в компании новых любовников. Глупо сейчас, когда мы только входим во вкус

– Мне ясна твоя позиция. Но не думай, что я готова её разделить. Если человек вдохновлён эгоизмом, то он и других хочет обратить в свою веру. Оправдывая себя, он старается быть великодушным и заботливым. Он думает, что способен утешить своими фантазиями людей, которые ждут от него трезвых мыслей и глубоких чувств. Нет, я не собираюсь утешаться твоими детскими восторгами, не желаю слушать твоего красивого вранья. Мне больно и будет больно ещё долго.

- Ты хочешь расстаться?
- А ты оставляешь мне выбор?
- Я тебя ни к чему не принуждаю.
- Как, впрочем, и себя.
- Ты бы честно хотела, чтобы я корчил из себя хорошего мальчика?
- Нет, это глупо.
- Хоть на этом мы сошлись.
- Никогда не обещай женщинам того, чего не сможешь исполнить.
- Хорошо, постараюсь.
- Обещай!
- Я обещаю тебе.
- Теперь заberi свои книги и уходи. Мне, как ты понимаешь, хочется побыть одной.

Прощай.

На минуту в съёмной комнатке Цинтии повисла космическая тишина. Затем глухие шаги альтиста пересекли её по диагонали, на мгновение замерли и направились к выходу.

Шквальный ветер пронизывал город, срывая рекламные щиты, поднимая волны песка и пыли, сшибая в полёте птиц. Цинтия спряталась в каменную арку и ждала погоды. Ветер, однако, не унимался и, как обезумевший дворник, неистово мёл улицы и площади, загоня прохожих в подъезды и подворотни. Сегодня в центральной библиотеке города должна была состояться лекция известного немецкого философа и писателя Райнера Фюлле, который постиг прелесть мгновения и теперь пытался приобщить к этой фаустианской идее всю меланхолическую, утратившую чувство реальности, часть мира. Цинтия не знала, что заставило её согласиться пойти на эту лекцию. Она не верила в то, что за два с половиной часа можно вернуть человеку давно утраченный смысл жизни. И теперь, прячась от пылевой бури в арке и пытаясь дозвониться подруге, она уже злилась на свою поспешную стоворчивость.

– Где ты сейчас находишься? – наконец-то послышался из телефона голос подруги.

– В арке, на улице Дорошенко.

– Ты без машины?

– Да.

– Сейчас заберу тебя оттуда.

Через пару минут к арке, где пряталась Цинтия, подъехал синий «Peugeot». В салоне приятно пахло духами и кожей сидений. Подруга чмокнула Цинтию в уголок губ, усмирила рукой буйство своих тёмно-рыжих прядей и плавно повернула руль. Ветер всё бесился, перехватывая дыхание и запяляя глаза пешему люду. В салоне было уютно, звучала музыка и нежно сплетались друг с другом женские голоса.

– Видимо, где-то ведьма умерла, – с улыбкой сказала подруга Цинтии, поправлявшей ремень безопасности.

– С чего ты взяла?

– Мне бабушка моя, которая в селе жила, всегда говорила, что если ведьма умирает, то сразу же буря начинается. Это ведьмин дух носится по земле и крушит всё подряд. Красивая сказочка, правда?

– Да, очень.

– Кстати, я смотрела в сети несколько роликов с этим Фюлле. Забавный типаж. А что с твоей машиной?

– Сдала в ремонт.

– Что-то серьёзное?

– Врезалась в ограждение, бампер помяла ...

– Ты! В ограждение! Как же это?

– Не знаю...

– Береги себя, Цинтия.

– Беречь себя... А для чего? Мы думаем, что если убереем тело и справимся с нервами, то будем счастливы. Но это же так смешно!

– А что тогда не смешно?

– Быть собой, я думаю.

– Вот за этим мы и едем к герру Фюлле.

– Я не верю в общие рецепты.

– Я тоже. Расслабься. У меня уже есть свой рецепт счастливой жизни.

– Поделишься?

– Тебе он покажется слишком простым.

– Мне сейчас ничего не кажется простым...

– Держись, подруга.

– Да, я стараюсь.

В главный зал центральной библиотеки, невзирая на ураган, пришла, казалось, половина города. Впрочем, у Цинтии и её подруги были куплены билеты с местами, а потому они устро-

ились вполне комфортно. Лектор не заставил себя долго ждать и, выйдя на сцену, сразу же расплылся перед собравшимися в душеспасительной улыбке. Говорил он тягуче, но при этом энергично помогал каждому слову руками, что позволяло ему легко удерживать внимание пёстрого зала.

«Красота мгновения ... Понимаем ли мы её? О, как часто мы просто скользим по жизни, ни на чём по-настоящему задерживая внимания. Мы ждём завтрашнего дня, сожалея о прошедшем, но упорно не хотим замечать прелести настоящего. Наша жизнь рассчитана по секундам и слишком предсказуема, чтобы приносить нам истинное счастье. И вот мы ищем счастье в воспоминаниях и надеждах, сетуя на бег времени и на то, что не способны его остановить. Однако никакого бега времени в природе нет, ибо нет и самого времени. Что же тогда есть? – спросите вы. И я отвечу вам, что есть только пространство настоящего, существование здесь и сейчас, красота мгновения. Живите мгновением так, как будто оно длится всю вашу жизнь; живите без сожаления о прошедшем и страха перед будущим; живите в любом месте полно и глубоко, во всём присутствии своего существа, в доверии ко всему, что происходит с вами...»

Цинтия усердно вслушивалась в неспешно текущий поток слов господина Фюлле, но никак не могла разделить той тихой радости, которая шла от всей его фигуры и заполняла собой каждое открытое сердце. Та благая весть, которую пытался донести ей иностранный гость, застревала где-то на подступах к её сознанию и гибла без душевного ответа. Лекция закончилась. Грянули аплодисменты. Внутренне смятение Цинтии достигло своего предела.

Они вышли на совершенно спокойную вечернюю улицу. Не было в этом тихом и тёплом воздухе даже малого намёка на разгул стихии. Только ломкие ветви тополей да старых ясеней во множестве лежали на асфальте вянущим напоминанием о случившемся. Подруга неторопливо подвезла грустную Цинтию к подъезду её холодного дома с неприветливыми людьми. Поднимаясь в свою квартиру, Цинтия думала только о том, как бы поскорее закрыть за собой дверь и долго-долго никого не видеть.

10.

Поезд «Москва-Будапешт» пересекал ночь с востока на запад. Половина вагона спала, тогда как другая половина притворялась спящей или просто болтала вполголоса за стаканом чая. Цинтия закончила консерваторию и полная тайных надежд ехала теперь в уютном купе на родину. Её большие тёмные глаза зачарованно смотрели с нижней полки на луну, что следовала за поездом в жаркой темноте июльского неба. Дорога рождала в голове Цинтии спокойные и очень ясные мысли, которыми хотелось с кем-нибудь тотчас же поделиться. Но двое её попутчиков крепко спали на верхних местах, а нижнее место напротив пустовало и давало повод к самым разным домыслам.

«Кто же займёт тебя – мужчина, женщина, юность, старость? Хочется посмотреть на этого человека, запомнить его для себя. Для чего мне это? Вот уж совсем неясно... Просто так. Просто? Нет, не думаю. Возможно, что мы найдём о чём поговорить. Сегодня в поездах разговаривают всё реже. Всё из-за гаджетов, конечно. А может и не только из-за гаджетов... Интересно, сколько я продержусь без сна? Луна такая красивая сегодня, словно невеста... Невеста моего майского бога... До утра ещё так долго, но спать не хочется... совсем не хочется... совсем не...». И Цинтия уснула тем непривычным и тревожным сном, который настигает человека в поездах дальнего следования.

Когда глаза Цинтии вновь открылись, они увидели напротив красивую мужскую ногу, которая была согнута в колене и тихонько покачивалась из стороны в сторону. Почему-то она сразу полюбила эту ногу и захотела познакомиться с её обладателем, но до поры решила играть в спящую. Через некоторое время незнакомец вышел с полотенцем в руке, что дало возможность Цинтии встать, оправиться и оглядеться. Попутчики, занимавшие верхние места, сошли, видимо, ещё ночью. Купе быстро наполнялось густым светом дня. За окном проплывали и пролетали мизансцены сельской жизни с полями, лошадьми, речками, гусьями, аккуратными

домиками, собаками, садами... Цинтия настолько погрузилась в созерцание, что совсем забыла о своём новом соседе.

– Здравствуйте, – мягко сказал, войдя в купе, высокий брюнет с натренированным телом.

– Привет, – вырвалось у Цинтии.

– Будем на «ты»?

– Я думаю, что да.

– Отлично. Ты любишь танцевать?

– Не знаю даже... В детстве любила. А теперь больше люблю смотреть на танцующих.

– Уже неплохо.

– А ты, как я понимаю, танцуешь?

– Ага. И тебя научу, если захочешь.

– Подумаю...

– Только не думай слишком долго.

– Почему?

– Чем больше думаешь, тем больше сомневаешься. А чем больше сомневаешься, тем больше тревожишься. Тревога забирает у организма силы, что ведёт...

– Я согласна!

– Здорово! Вот теперь можно и поговорить, – весело подытожил брюнет, усаживаясь напротив Цинтии.

Они заказали у проводника кофе и продолжили изучать друг друга, изредка отвлекаясь на мистерию жаркого летнего дня, сопровождавшую их от станции к станции. Поезд то набирал скорость, то замедлял движение возле небольших полустанков, не позволяя глазам окончательно привыкнуть к одному зрительному ритму. Им обоим казалось, что поезд везёт их в какую-то новую жизнь, абрис которой уже проступал в стилистике фраз, характере жестов, частоте взглядов, помогавших им понять друг друга. К ним больше никто не подсаживался, и в этом случайном уединении легко можно было заметить тайную волю судьбы. Быстро опьянённые друг другом, они переходили от темы к теме, думая, что всё время говорят про одно. Доверие меж ними росло с каждым новым словом и проторяло дорогу для самых неожиданных открытий.

– Мой учитель, который был немного философом, всегда говорил, что двадцать первый век станет веком тела и танца. Он был уверен, что слова перестанут играть для людей прежнее значение. «Научитесь понимать язык тела другого человека», – говорил он нам почти на каждом занятии. И ещё он говорил, что телесный язык древнее речи, а потому может охарактеризовать человека намного точнее. А ты как считаешь? – серьёзно посмотрел на Цинтию брюнет.

– Хм... Я не думаю, что люди разучатся говорить, читать, писать... Да и речь не упрощается, как трубят интеллектуалы, а перерождается понемногу, избавляется от лишнего. Я хочу, чтобы человек хорошо говорил на многих языках.

– А я очень сильно хочу научиться говорить с тобой на одном языке.

Через полтора года после этого разговора они поженились.

11.

Цинтия отменяла концерт за концертом, выступление за выступлением. Теперь ей совсем не хотелось начинать утро с игры на арфе, как делала она все последние годы. Арфа стояла возле окна и Цинтия, не поднимаясь с кровати, глядела сквозь её жёстко натянутые струны в новый, пугающий своей предсказуемостью, день. Иногда она курила, сбрасывая пепел прямо на паркет, и прислушивалась к ускоряющейся вибрации сердечной мышцы.

Со временем она стала бояться ранних телефонных звонков, неожиданных стуков в коридоре, детского плача за стеной и даже ночного шума дождя, который прежде так любила. Майский бог теперь навещал её очень редко и почти ничего не говорил ей. Когда-то внутри Цин-

тии всегда звучала музыка и отчаянно просилась на нотный лист, но сейчас музыку вытеснили безысходные мысли, съедавшие ростки гармонии, едва те успевали явиться на свет.

Друзья часто звонили Цинтии и заходили к ней, но это мало что меняло. Посещала она и психолога, пыталась быть с ним откровенной, участвовала в расстановках и рисовала. Это на время отвлекало её от привычной пустоты. Однако состояние отчуждённости и эмоционального паралича никуда не девалось и лишь затаивалось на время, чтобы набрать ещё большей силы. Впрочем, нельзя было сказать, что Цинтия окончательно утратила интерес к движущейся вокруг неё жизни. Просто она, сама того не сознавая, обиделась на жизнь, на судьбу и на тех людей, которые не могли вместе с ней разделить эту бесконечную обиду.

По выходным она лишь невероятным усилием заставляла себя встать с постели, умыться и расшторить окна. Бывало, что она задерживалась у какого-нибудь окна подолгу, отрешённо разглядывая угол соседнего дома или шпилястую колокольню далёкой церкви. Городской пейзаж ничем её не вдохновлял и только поднимал в груди ещё большую тоску, которая со временем переросла в болезненное наслаждение. Цинтия долго не теряла способности глядеть на себя со стороны, но с течением времени этот взгляд становился равнодушнее и тусклее. Если бы Цинтия жила в античные времена, то решила бы, что внутри неё поселился демон меланхолии. Но она была нашей современницей, а потому точно знала, что пребывает в состоянии глубокой депрессии, охватившей не только её, но и всё то общество, которое её родило и воспитало.

И так, день за днём внешний мир Цинтии становился всё меньше и всё более угрожал её внутреннему миру. Любимым писателем Цинтии в эти невыносимые дни стала Эльфрида Елинек. Она курила и читала Елинек, варила кофе и читала Елинек, говорила с подругой по телефону и читала Елинек, слушала музыку с ноутбука и читала Елинек... Только Елинек могла теперь выразить её отношение к себе и той действительности, которую она искусно придумала, окружённая со всех сторон стеной одиночества.

12.

Андрей, муж Цинтии, перевёз свою жену в просторную квартиру с недавним ремонтом. Жизнь стала радостно набирать обороты. Он участвовал в фестивалях и телевизионных шоу, замысливался над открытием своей школы танца; она тем временем понемногу узнавала музыкальную жизнь города, оттачивала мастерство игры и всё больше уверялась в своём высоком призвании.

Они быстро нажили общих друзей и обросли полезными связями. Поразительно легко удавалось им притягивать и располагать к себе людей, что у одних вызывало тайное восхищение, у других – неприкрытую зависть. Впрочем, Андрею и Цинтии некогда было оглядываться по сторонам и делать выводы. Им всерьёз казалось, что река удачи подхватила их супружеский чёлн и понесла его на своей мягкой волне в славное будущее. Они мало бывали дома, но их часто можно было увидеть вместе на светских вечеринках, театральной премьере или открытии выставки одного из друзей-художников. Их фотографии стали появляться в популярных глянцевого изданиях. Журналисты охотно брали у них интервью, так как молодожёны без стеснения отвечали на самые пикантные вопросы и не боялись противопоставлять своё мнение общественному.

Полные энтузиазма и больших надежд встречали они каждый новый день, быстро завтракали и разлетались в разные стороны, чтобы не упустить очередного шанса стать успешнее и популярней. Сама эпоха поощряла их желания и, по сути, не оставляла места ни для каких других. Оба они думали, что живут во времена безграничных возможностей, которые без промедления нужно использовать, пока их ещё лучше не использовали другие. Однако при всей внешней схожести стремлений, внутренние мотивации супругов разнились. Андрея вело вперёд желание славы и ярких переживаний, Цинтию – беззаветное служение музыке.

Майский бог, везде незримо сопровождавший Цинтию, подсказывал ей как себя вести, во что одеваться, с каким настроением выходить на сцену. Со временем каждое новое выступление Цинтии стало восприниматься её слушателями с особой благодарностью. И за пределами родного города она также радостно принималась публикой, быстро очаровывая своей игрой и большие сцены, и камерные залы. Её просили играть в филармониях и театрах, на уличных праздниках и в загородных виллах, во внутренних двориках старинных замков и на палубах роскошных лайнеров.

Как только Цинтия, облачённая в тунику и сандалии, начинала играть, собравшиеся замирали, и чарующие звуки арфы уносили их в древнюю Месопотамию и Элладу – в мир богов, героев и чудес. Музыка Цинтии незаметно выводила слушателей из того духовного тупика, в котором они все оказались благодаря унылому прагматизму и бесплодному себялюбию нашего времени.

В одну из счастливых супружеских ночей – после объятий, поцелуев и жаркой истомы во всём теле – Цинтия услышала во сне мелодию, которую утром ей удалось записать по памяти, а затем и сыграть. С тех пор она стала писать музыку для арфы, а чуть позже и слова песен. Когда же к этим двум талантам присоединился и певческий, Цинтия окончательно уверовала в своё высокое предназначение и каждую ночь, перед тем как уйти в сон, благодарила майского бога за столь щедрое покровительство.

13.

В дверь робко позвонили, но Цинтию всю передёрнуло, словно где-то рядом с ней ударила молния. Она и забыла, что вызвала сантехника. Быстро затушив сигарету и отложив книгу, она поправила волосы и посмотрела в дверной глазок. На лестничной площадке стоял молодой мужчина со светлыми волосами и доверчивым выражением лица. Цинтия медленно открыла дверь и впустила гостя в свою наполненную дымом и одиночеством квартиру.

– У вас что-то с краном?

– Да, проходите в ванную.

– Только сниму обувь.

– Можете и не снимать. Впрочем, как хотите. Я буду читать в большой комнате.

– Хорошо. Если что, я вас позову.

– Да, конечно.

Вежливый сантехник уединился в ванной, а Цинтия попробовала читать дальше роман Елинек, на страницах которого велось беспощадное физиологическое наблюдение за женщиной, доведённой до отчаяния провинциальной тоской, деспотичным мужем, эгоистичным сыном и беспечным молодым любовником. Она снова закурила, настезь открыв форточку и следя за тем, чтобы пепел не падал на покрывало. Время в романе шло медленно и тяжело. Обычная тоска, то хватала Цинтию за горло, то спускалась в самый низ живота и глухо пульсировала там вторым сердцем. Сантехник не подавал голоса и только постукивал чем-то в ванной. Табачный дым и садический язык романа постепенно ввели Цинтию в состояние полной отрешённости от привычных для большинства современных женщин условностей и норм. Не очень хорошо сознавая себя, она прошла на кухню, достала из бара коньяк и, закрыв глаза, сделала несколько больших глотков.

Сантехник крикнул из ванной, что закончил, и приглашал оценить работу. Цинтия стремительно и бездумно пошла на этот зов, развязывая на ходу шёлковый пояс халата. Мужчина уже собирал инструменты и не сразу увидел её наготу. Она слегка наклонилась и провела рукой по его коротким светлым волосам. Он замер, словно ударенный в спину чем-то острым, медленно повернул голову и встретился с её подрагивающим телом...

Стараясь быть нежным, он неумело целовал ноги, живот, руки Цинтии. Она помогала ему раздеваться, но никак не загоралась от его прикосновений, так как видела, что он не был готов к близости, что он только сейчас готовится к ней, возбуждает себя и ещё не верит до

конца в происходящее. На мгновение она почувствовала всю полноту своей власти над ним, поняла, сколь беспомощны светский этикет и социальное приличие перед женской наготой, свободно предлагающей себя и требующей немедленного отклика. Постепенно его усердные ласки достигли своей цели. Цинтия расслабилась и уже готова была открыться навстречу его растущей страсти.

Но тут он замешкался... принялся ощупывать снятую одежду, хмурить лоб. И ей, без сожаления, пришлось констатировать, что он ищет презерватив. Едва зародившееся возбуждение тут же покинуло её тело. Она не могла смириться с тем, что он не отдался первому порыву страсти и смог сдержать себя из одного страха перед возможными последствиями. Ей сразу же открылась вся его мелочная расчётливость, вся его пошлая забота о собственном комфорте, вся та среднестатистическая мужская трусость, с которой он проживает каждый свой день. Ощущение, что её отвергли, что не желают взять её без сомнений и оговорок, наполнило кипучей злостью каждую клеточку тела Цинтии. Теперь она глядела на него холодными презирающими глазами.

Сантехник не сразу понял резкую перемену её настроения, пытался зацеловать свою вину, называл её самой желанной и сексуальной на свете женщиной. Однако довольно скоро был рассчитан и выдворен из квартиры. Оставшись одна, Цинтия вновь закурила и долго остывала возле распахнутого окна, наблюдая падающие с деревьев листья и пытаясь представить себе тех людей, которые умрут в городе этой осенью.

14.

Чуткий знаток семейных омутов и мелей, Лев Толстой видел гармонию меж супругами в том, чтобы смотреть им в одну сторону и, добавлю я от себя, видеть им в той стороне один единственный образ мира. Когда образы мира у супругов различны, а держит их вместе только взаимное уважение и физический магнетизм, то брак их в опасности. Со временем любой семейной паре необходимы общие ценности или общие дети, или всё это вместе. Особенно это касается тех весёлых пар, в которых оба супруга являются независимыми, творческими личностями, воспитанными в разных социальных и культурных вкусах.

Андрей и Цинтия представляли собой именно такую весёлую пару, которая совершенно не думала о том, что катается на очень тонком слое льда, готовом в любой момент провалиться и потопить призрак их семейного счастья. Они всё также мало времени проводили дома, много выступали и подолгу засиживались в гостях, давали интервью и совершали поездки в другие города. Чуть позже у них исчезли общие друзья, но появились другие, в большей степени отвечающие их разноимённым потребностям. Вокруг Андрея постоянно кружились молодые женщины, мечтавшие приобщиться к его красоте, опыту и славе. Перед талантом Цинтии склоняли головы состоятельные мужчины с шикарными букетами цветов и двусмысленными улыбками. Удерживаться от разного рода соблазнов на пике популярности для этих ещё молодых и оптимистично настроенных людей было весьма непросто. И, надо заметить, что они временами позволяли себе оступаться. Так в их изначально доверительном союзе появились личные тайны и взаимные подозрения.

Цинтия первой заметила, что её семейный чёлн незаметно распался на две самостоятельные половинки. Впрочем, эта мысль ещё не могла утвердиться в её сознании окончательно. Наивность, свойственная почти всякому творцу, заставляла Цинтию верить в надёжность их с Андреем союза, которому исполнилось уже семь лет. Она не могла ещё представить насколько за последние три года истончились связующие их пару нити, насколько они разошлись за это время не только в эмоциональном, но и в социальном плане. Андрей уже не занимался тем искусством, о котором говорил Цинтии в первые дни их знакомства. Теперь он увлёкся бизнесом, то есть научился выгодно продавать свой талант поклонникам со всего мира. Он уже не мог разделить высоких духовных запросов своей супруги, становившейся всё более требовательной к себе и придирчивой к публике.

Однажды, когда Андрей вернулся из французского турне в родной город, где его ждала наскучившая квартира и простуженная Цинтия, ему захотелось поговорить начистоту.

– Как ты себя чувствуешь?

– Уже лучше. Как там, во Франции?

– Очаровательно и нервозно.

– Ты уезжаешь от меня всё дальше и дальше...

– Цинтия, тебе не кажется, что пора как-то изменить нашу жизнь?

– К лучшему или к худшему?

– Ценю твой юмор, но...

– Мы уже не изменимся, Андрей. Наша жизнь идёт так, как идёт. Если бы мы хотели перемен, то начали бы их раньше.

– А считаю, что начать меняться никогда не поздно.

– И что ты мне ... нам предлагаешь?

– Может быть, нам завести ребёнка...

– Но ты никогда не хотел ребёнка!

– А теперь...

– А теперь я не хочу. Мне вообще тяжело теперь думать о чём-то другом, кроме музыки.

– Так нельзя, Цинтия.

– Почему? Тебе можно было не хотеть ребёнка от любимой женщины целых семь лет, а мне, значит, в таком праве отказано. Чудесный расклад!

– Ты же знаешь, что мужчины зреют дольше, что нам важно сначала завоевать статус и признание.

– Ты слишком долго воевал, Андрей.

– Язвишь не по делу.

– По делу, Андрей. Последние годы я только и делала, что обманывала себя, считая наш брак почти идеальным. Мы начали не с того, понимаешь? Мы не создали ничего нашего.

– Почему ты никогда не говорила со мной на эту тему?

– Я не хотела мешать твоему и своему развитию. Мне казалось, что ещё год-два и мы начнём строить настоящую семью.

– Я готов её построить!

– Ты говоришь так в запале. На самом деле, сейчас никто из нас не готов радикально переменить своей жизни.

– Нет, нам нужно обязательно найти какое-то решение.

– Нужно...

– Знаешь, Цинтия... Впрочем, тебе не очень понравится моя идея...

– Какая?

– Я хочу, чтобы мы на время разъехались.

– Отличная новость...

– Да, мы поживём отдельно и соберёмся с мыслями.

– Только бы мы не растеряли последние здравые мысли, Андрей.

– И когда ты успела стать такой критичной...

– Сама не знаю... Мутировала.

– Дорогая, ты прелесть.

– Я знаю.

Они оба понимали, что окончательно расходятся, но старались как можно меньше ранить друг друга. Через месяц Андрей переехал в арендованную квартиру, и с этого момента их совместная с Цинтией жизнь отошла в область городских легенд. Иногда они списывались в соцсетях и созванивались, но о прежней близости никто из них уже не помышлял. Через год после переезда Андрея Цинтия – больная одиночеством и разочарованная ходом своей жизни –

покинула бывшее супружеское гнездо и поселилась на улице Левицкого, в старом австрийском доме с вечно холодными стенами и неприветливыми соседями.

15.

Выключив все телефоны и прочие гаджеты, Цинтия легла на диван и закурила. Одиночество не пугало её. Она давно нашла ему оправдание и теперь спокойно думала о том, что проживёт в этом положении до конца дней. «Если подумать, то мне всегда хотелось побыть одной. Никто никогда не мог и не сможет разделить моей тишины, в которой я прислушивалась к майскому богу. Но теперь и он остался в прошлом... Цинтия, что тебе ещё надо от этой жизни? Не думаешь ли ты, что она собралась тебя чем-то удивить! Мало тебе... Вспомни, как тебя слушали, любили, боготворили... Вспомни, как ты ждала от себя так много, что захватывало дух. Тот первый раз на сцене... Я ведь почти ничего не помню о том дне, кроме дрожи в пальцах и ледяного шампанского за кулисами. А ведь были ещё дни, когда казалось, что радость – это нормальное состояние души. И как я могла так себя обманывать... Значит, не было никакого призвания! Всё придумано, всё фальшь... О, как незаметно мы перестаём расти, успокаиваемся на достигнутом и тускнеем. У многих так... У всех! Но есть хитрецы, которые научились обманывать себя и других, выдавать натужное за вдохновенное, ловкость рук за искусство... А если ещё даёшь своей личной жизнью поводы к разговорам и жёлтым статьям, то продержаться можно довольно долго. Тебя уже нет, но люди об этом не знают и продолжают восторженно следить за твоим трупом, думая что ты переживаешь полный расцвет сил, пик творчества... Да, я давно уже труп, механическая кукла для игры на арфе... Надо продать арфу и начать... Но что теперь начинать? Нет, надо всё заканчивать и уходить. Как жалко себя! Как я всё ещё себя люблю! Янис... Марк... Андрей... Провал, пустота».

Не вставая с дивана, Цинтия выдвинула верхний ящик стола и достала оттуда металлическую струну, по-змеиному свёрнутую в тугой калачик. Она долго её рассматривала и крутила липкими от волнения пальцами. Струна распрямилась и чуть не вылетела из дрожащих рук Цинтии. Ухватив её покрепче, Цинтия на мгновение замерла и подумала о том, что ей больше никого и ничего в этом мире не жалко. Когда струна плотно обхватила шею, Цинтия обвела взглядом всю комнату и остановилась на арфе, подаренную ей человеком из радостного прошлого.

Прошло ещё несколько минут, прежде чем Цинтия собрала всю свою решимость в кистях рук. Струна жадно впилась в пульсирующую плоть, как будто давным-давно ждала этого момента в темноте ящика. Замер воздух, замерло время, замер смысл жизни. Цинтия всё сильнее сдавливала себе горло, чувствуя как прерывается дыхание, как тяжелеет голова и мокнет кожа под глазами. В дверь кто-то позвонил... Цинтия на мгновение остановилась и прислушалась. Позвонили ещё раз. Цинтия сильнее затянула петлю и зажмурила глаза. В дверь начали громко и беспорядочно стучать. На секунду Цинтии показалось, что она слышит голос подруги. Именно теперь Цинтия поняла, что задушить себя у неё не получится, но она не спешила вставать, не хотела открывать дверь так быстро... Она была уверена, что рано или поздно всё для неё закончится, что замыслу её уже никто не сможет помешать. Эта мысль ей очень и очень нравилась.

Гость

*«И чтобы восстановить свою реальность, мы спешим
туда, где она больше всего кровоточит»*

Жан Бодрийяр

1.

Частые, но тёплые капли дождя стекали по чёрным вьющимся волосам, отскакивая от кожаной куртки и омывая бока тяжёлого байка. Андрас только что пересёк границу и теперь ехал, не снижая скорости. Навстречу ему плыло красивое серое небо, а июньская зелень деревьев сливалась в две широкие ленты по бокам трассы. На дороге попадались выбоины, пучки

соломы, обломанные ветки и некрасиво раздавленные колёсами змеи. Возбуждение нарастало в Андрасе с каждым километром. Его загорелое, почти индейское, лицо словно окаменело под набегами ветра и струями влаги, но глаза светились янтарём, предвкушая букет свежих впечатлений.

Перед самыми горами он остановил байк на обсыпанной мелким гравием обочине, опёрся на руль и закурил. В голове ещё гулял утренний кофе, который он выпил вместе с женой. Глубоко вобрав в себя дым от Winston, подставив веки последним каплям дождя, он думал о своей жене по-новому, как можно думать о близком человеке только на расстоянии. Теперь он отчётливее видел её очаровательные и отвратительные стороны... Вот она идёт из магазина в чёрном свободном платье, соблазнительно приподнятом рельефом её тела сверху и снизу. Вот уже сплетничает с подругой, рассказывая той про все минусы семейной жизни. Вот кормит их сына, улыбается и сердится, читает нотации, некрасиво двигает локтями и еле заметно вздыхает. Ах, этот печальный женский вздох... Сколько в нём смирения перед судьбой, терпения и ещё чего-то исторического. Что она делает теперь? Наверное, везёт Бартоса в садик и ждёт моего звонка. Как скучно...

Мимо проносились фуры, ведомые угрюмыми мужчинами в растянутых футболках. Перед их медвежьими глазами раскачивались иконки с ликами Божьей Матери и Святого Николая. Автозаправочные станции то диссонировали, то органично сливались с ландшафтом. Велосипедисты жалась к обочине и были до смешного сосредоточены. Андрас курил без спешки... Табак убаюкивал сознание и примирял со всем миром. Здесь, за пределами Венгрии, вдали от дома и привычного окружения ему курилось с каким-то особенным наслаждением. Каждая новая затяжка дарила ему ощущение нарастающей свободы. В кругу семьи или на работе он никогда не мог представить себя целостным и постоянно думал о том, что кто-то невидимый крепко держит его за руку, а иногда и за горло.

2.

За месяц до свадьбы Андрас ездил на своём байке в Италию. Во Флоренции жили его друзья-архитекторы, любившие сиделки с креплённым вином и марихуаной. Он прожил у них целую неделю и вдоволь находился узенькими улочками столицы Тосканы. Ему понравилась и местная кухня, и огнеглазые аборигенки, и зеленоватые медленные воды Арно. Флоренция чем-то напоминала ему украинский Ужгород, где он ещё студентом провёл много весёлых часов.

– Надо было тебе найти жену-итальянку, – в один голос сокрушались флорентийские друзья Андраса.

– И что бы это изменило? – спрашивал их Андрас с наигранной серьёзностью.

– Всё бы изменило! Во-первых, итальянки самые сексуальные, во-вторых, потрясающе готовят, в-третьих, ты бы смог переехать в Италию и чаще навещать нас, – загибал свои длинные пальцы всегда весёлый Беппе.

– Но где бы я здесь нашёл работу?

– Можно подумать, что в твоей Венгрии нет проблем с работой, – быстро нашла ответ Доменика.

– Да, ты права, но моя профессия... Вы сами ушли в дизайн интерьеров, а теперь и меня сманиваете?

– Ну, конечно, лучше застраивать пригороды Будапешта торговыми центрами. Эти здания переживут века, – подсмеиваясь, продолжал Беппе.

– Переживут, Беппе. Сегодня из старых заводов делают выставочные залы. Кто знает, может и торговые центры лет через сто превратятся...

– ...в публичные дома, – перебила его Доменика и чмокнула в щёку.

– ...в храмы новых религий.

– Каких это религий? – с деланным любопытством спросил Беппе.

– Не знаю... Разных. Скоро их станет много. Одни выберут веру в тело, другие в звёзды, а третьи...

– ...ни во что не будут верить, – снова не выдержала Доменика.

– Да, появятся, конечно, и такие.

– Но ты женишься, женишься, женишься... Потом дети, потом пиво у телевизора... Чувствую, что нашим встречам приходит конец, – выпалил Беппе с непритворной досадой.

– И я уже не успею тебя соблазнить... – с натуральной грустью в голосе произнесла Доменика.

– Я ещё приеду к вам.

– Да, да... Теперь на виртуальное общение перейдём. На заднем плане всё время будет маячить твоя жена и мешать нам говорить. Кто она у тебя? А, вспомнил, юрист в сфере туризма. Тебе с ней не скучно? Вижу по глазам, что ещё нет. Но станет скучно, поверь. Даже мы с Доменикой одно время так скучали... Не хочу и вспоминать. Андрас, ты ведь очень быстро изменишь своей жене.

– Откуда такая уверенность, Беппе?

– А вспомни Камиллу! Вспомни, как ты её любил, как ездил к ней каждые две недели. Она до сих пор о тебе спрашивает. У вас всё классно могло получиться, но ты, засранец, бросил чудесную девушку в двух шагах от её счастья, – продолжал досадовать Беппе.

– Камиллу кто угодно мог бросить, – перехватила инициативу Доменика, – ведь у неё в голове полный бардак. Лично я никогда не могла с ней общаться дольше часа. Я знаю, Андрасу нравятся странные девушки, но тут было без вариантов. И потом, не связись она с этим Чезаро, с этим перезрелым девственником с улицы Лами...

– Давайте не будем о Камилле. Мне было интересно с ней разговаривать, целоваться... Вы же отлично понимаете, что она не была готова ни к чему серьёзному.

– Вот именно! – поддержал Андраса голос Доменики.

– Всё, выпиваем ещё по бокалу и рулим к нам, – примирительно резюмировал Беппе и подозвал официанта.

3.

Теперь с обоих боков его обступили тёмно-синие горы, издали напоминавшие зубы гиганта, по шершавому языку которого он старался ехать всё быстрее и быстрее. Всякий раз покидая место, где он провёл длительное время и многое пережил, Андрас ощущал обновление не только своих мыслей, но и всего тела, неумолимо стареющего в одном и том же порядке вещей. Только оторвав себя от привычного и понятного, Андрас вновь обретал вкус молодости и любви.

За два часа до этих таинственных гор он пересёк границу... Тут ему пришлось долго ждать в длинной очереди, состоявшей из микроавтобусов и большегрузов. Водители курили, матерились, непрестанно куда-то звонили и перезванивали. Всё это со стороны походило на спонтанно играемый спектакль, в котором роли сами находили актёров и подкидывали им на язык случайные, но при этом вполне действенные фразы.

Андрас закурил и стал наблюдать за женщиной, что сидела в Volkswagen с польскими номерами из параллельной очереди и нервно дёргала свои пышные волосы. Мужчина, управлявший Volkswagen, время от времени что-то говорил над её ухом, запуская свой загорелый нос в белокурые пряди. Женщина встретилась с Андрасом глазами, в которых он успел прочесть сомнение и усталость. Когда молодой пограничник отдал Андрасу документы и пожелал счастливого пути, на землю упали первые капли небесной влаги...

– Ты правда едешь к своему другу? – спросила Андраса за день до поездки его жена, Илона.

– Да, к Ярославу, ты же знаешь, что он любит иноземных гостей. Кроме того, я давно хотел посмотреть его в игре.

- Я бы тоже хотела пойти в театр.
- Так сходи. Возьми Берту, Цинтию... Вы же любите потусоваться вместе. А я даю вам для этого целых десять дней.
- Что ты будешь делать в L. целых десять дней? Мне станет скучно без тебя...
- Ещё не знаю, но думаю, что Ярослав готовит для меня сюрприз.
- Он ведь больше не живёт с Марией?
- Нет, они окончательно разошлись этой зимой. И я не удивляюсь. Как можно жить с актёром и при этом не вылезать из церкви! А всему виной её традиционное воспитание и, как бы сказать...негибкость мышления.
- Теперь мало таких людей, как Мария.
- Хорошо, что ты не имеешь с ней ничего общего.
- Теперь я жалею, что редко ходила в церковь...
- Зачем тебе это?
- Не знаю... Может для того, чтобы успокоиться. Последнее время я часто тревожусь.
- И, заметь, без причины. Когда вернусь от Ярослава и разделаюсь с теми двумя проектами... Давай поедem с тобой...
- Возвращайся быстрее, Андрас. Ты же знаешь, что Бартос к тебе очень привязан.
- Привезу ему из L. что-нибудь этакое... Автомат из шоколада, например. Что скажешь?
- Всё будет хорошо, правда?
- По-другому и быть не может. Илона, ты можешь звонить мне в любое время. А теперь подставь свои сладкие губки и отпусти меня на работу.
- Ты не выпил кофе!
- Оставь, вечером допью.

4.

Лесистые зубцы гор остались позади. Начались поля, отделённые друг от друга полосами кустарника, засеянные пшеницей, подсолнухами и рапсом. Андрасу хотелось сфотографировать всю эту летнюю красоту и отправить её своим флорентийским друзьям, чтобы те наконец-то перестали считать холмы Тосканы образцом европейского пейзажа.

По обочинам дороги без особой спешки шли запряжённые в телеги лошади, которыми управляли бронзовые от солнца и ветра крестьяне. Большинство из них было одето в тёмные рубахи с застиранными и закатанными до локтей рукавами. Небо избавлялось от последних облаков и постепенно пропитывалось золотистым светом. Одно селение сменяло другое, поле рапса переходило в поле подсолнухов, а те в свою очередь уступали место кукурузе и гречке.

Байк требовал бензина, а желудок чего-нибудь мясного, и поэтому Андрас, издали приметив придорожный комплекс «Райские кущи», сбросил скорость и сделал плавный левый поворот. Комплекс состоял из кафе и мотеля. Андрас поздоровался с хозяином и взял со стойки меню в кожаной, как часто бывает в подобных заведениях, обложке. Вместе с ним в зале сидела ещё пара дальнобойщиков и группа из четырёх туристов, велосипеды которых Андрас заметил у входа в кафе. Быстро просмотрев меню, он заказал салат, отбивную и бокал сухого вина.

Пока он просматривал новости и фото подружек, уткнувшись в дисплей телефона, к барной стойке подошла соблазнительно одетая блондинка и заказала у бармена сок. Андрас делал вид, что телефон волнует его в данный момент больше всего на свете, а сам украдкой бегал глазами по выпуклым бёдрам незнакомки, обтянутым кожей мини-юбки. Женщина обвела зал опытными глазами и, слегка выпятив губки, подошла к соседнему с Андрасом столику. Теперь он мог рассмотреть её также хорошо, как товар на открытой витрине.

Тщательно уложенные волосы, тронутые загаром скулы, блёстки возле глаз, клубничного цвета помада... Блондинка была полностью готова к работе и уже начинала легко флиртовать с мужской половиной зала, игриво шевеля губами цветную трубочку, которую получила вме-

сте со стаканом ананасового сока. Однако выбор у неё был невелик. Четверо туристов составляли пары, а двое дальнобойщиков, оказавшихся румынами, так увлеклись разговором, столь эмоционально обсуждали какое-то свежее происшествие, что не обратили внимания даже на официанта, забравшего у них из подноса тарелки, переполненные костями и скомканными салфетками. Таким образом, всё внимание блондинки постепенно перешло на Андраса, который недолго прикидывался застенчивым иноземцем и глазами указал женщине на место за своим столиком. Блондинка слегка улыбнулась, неспешно поднялась, намеренно тронув себя за левую грудь, как будто поправляя её в бюстгалтере, и села со своим соком напротив Андраса, уже приступившего к салату и отбивной.

– Ничего, что я с набитым ртом?

– Не, нормально. Меня Лана зовут, – нескладно произнесла блондинка на английском.

– Можешь говорить на русском, Лана.

– О, спасибо... Откуда ты знаешь русский?

– Отец был советским инженером.

– Круто! А я с Харькова... Пока вот здесь работаю.

– И как работается?

– Нормально. А как тебя зовут?

– Андрас.

– Очень красивое имя... Отдыхать едешь или по работе?

– Сколько ты берёшь за час?

– Ну... Вообще-то сто баксов, но могу скинуть, если понравиться.

– Тогданими нам номер и купи шампанского. Я скоро вернусь.

Андрас оплатил обед и вышел на улицу. Дорога уже подсохла, придорожный гравий вновь посветлел, а на небе не осталось и признака былой непогоды. Он позвонил Ярославу, долго с ним говорил, смеялся и курил сигарету за сигаретой. Потом несколько минут стоял со скрещенными на груди руками, прислонившись к ещё тёплому байку. Над ним, в промытой дождём небесной глубине, множил круги и гикал большой сарыч, на мгновение показавшийся Андрасу древним турулом, что указывал путь одну из своих гордых и страстных детей. Как будто вспомнив про что-то важное, Андрас быстро завёл байк и буквально вылетел на трассу. До Л. ему оставалось ехать не более полутора часов.

5.

С Илоной, своей будущей женой, Андрас встретился на фестивале рок-музыки, который ежегодно проводился и проводится донныне в столице Венгрии. Ему было двадцать семь, ей – двадцать три с половиной. Оба изрядно напились и накурились, а потому сами не поняли, как очутились в одной палатке и проспали в обнимку до обеда следующего дня. Пробудившись, они стали отшучиваться, пытались не придавать своей случайной близости значения, играли в тусовочный инфантилизм, однако весь остаток судьбоносного дня провели вместе. Андрас легко влился в компанию друзей Илоны и не упустил случая обратить на себя её внимание. С Илоной он чувствовал себя увереннее и свободней. Он заметил, что она часто смотрит на него влажными от радости глазами, что приветливо откликается на каждую его реплику. Под конец фестиваля он уже твёрдо знал, что любит Илону и обязательно предложит ей встретиться. А Илона, как несложно догадаться, именно этого и ждала от харизматичного парня с чёрными кудрями.

В отличие от других женщин, с которыми у Андраса случались отношения, Илона хранила в себе какую-то тайну. Глаза её были красивы своей глубиной и той лёгкой нотой грусти, что присуща одиноким мечтательницам или сердобольным скромницам. Андрас сразу понял, что эта женщина будет ему верна, поддержит в любой ситуации, не станет спрашивать лишнего... Они встречались ещё два года, прежде чем решили стать мужем и женой. Вскоре после этого Илона забеременела и Андрас – ещё не до конца забывший Камиллу, свою прежнюю

вольную жизнь и планы, которые он строил в блаженном одиночестве – понял, что ему придётся играть роль семейного человека, тщательно скрывая от жены и общества человека бунтующего.

Илона, впрочем, сразу поняла характер Андраса, но делала вид, что его мысли, его непроявленная внутренняя жизнь остаются для неё тайной. Большого всего её настораживала привычка мужа принимать скороспелые решения и одним махом разрывать давние связи. Если проект ему не нравился, если заказчики относились к нему без должного уважения, то он мог просто-напросто хлопнуть дверью, даже не подумав о последствиях своего решения для семейного бюджета. Илона видела, что Андрас хочет стать настоящим авторитетом в своей области, но критический склад ума и страстный темперамент то притягивали к нему людей, то резко отталкивали их, а потому он никак не мог занять устойчивого положения. Зная всё это о муже, Илона решила играть в их семейном союзе роль гасителя опасных импульсов.

Андрас искренне любил Илону, ценил её скромность и преданность заботам семьи, но отсутствие в ней всякого интереса к искусству и её холодноватый ум юриста часто портили ему настроение и заставляли тайно восхищаться женщинами артистического склада. То окружение, которое он имел до встречи с Илоной, сплошь состояло из журналистов, писателей, художников, музыкантов... Но стоило Андрасу жениться и стать отцом, как прежние его связи начали слабнуть, круг богемных друзей распался, а любовные похождения сделались такой редкостью, что за каждое из них он горячо благодарил Эрота, Диониса, Приапа и всех прочих божеств, потворствующих свободной любви.

Если бы за день до свадьбы Андрасу Балле, архитектору и путешественнику, кто-нибудь достаточно авторитетный сказал, что жизнь его превратится в буржуазную идиллию со всеми вытекающими отсюда последствиями, то он, быть может, просто сел бы на свой байк и помчался из родного Будапешта куда глаза глядят. Но ни уговоры друзей, ни бунтарский характер, ни пресловутая интуиция не спасли его от решения стать мужем и отцом детей юриста Илоны Петер.

С этими непростыми мыслями Андрас, сам не заметив как, очутился на улицах L.

б.

Жизнь в L. походила на течение горной реки. Шумная, быстрая, непредсказуемая, она заставляла любого, ступившего в неё, стать частью того же неистового ритма, забыть спокойствие и отдаться воле потока. Казалось, что люди здесь всё время куда-то опаздывают, постоянно озабочены чем-то страшно для них важным, а потому не видят перед собой ничего, кроме таинственной цели, которой они через боль и тревогу стремятся достичь. Все мужчины и женщины в возрасте были здесь упакованы в широкие тёмные одежды, то ли скрывавшие их природную полноту, то ли хранившие непрозрачные тайны их беспокойных душ. Молодые женщины L. позволяли себе одеваться куда более свободно, до крайности заголяя стройные ноги, распуская по плечам на редкость пышные (часто окрашенные в рыжий цвет) волосы и нанося вызывающе плотный слой помады на чуть приоткрытые, словно в ожидании поцелуя, губы. И только переселенцы из других городов да бесчисленные туристы – эти праздные кочевники эпохи потребления, стекавшиеся в L. со всех концов глобального мира – одевались крайне пёстро, вели себя развязно и фотографировали всё, что попадалось на их жадные до впечатлений глаза.

Ярослав встретил Андраса на летней террасе одного из кафе в центре L. Он выглядел уставшим, но, обняв своего венгерского приятеля, сразу повеселел и стал рассказывать ему последние новости театральной жизни. Хорошо выпив и выкурив кальян, друзья отправились бесцельно гулять по старому центру города, оставив байк Андраса на платной парковке. Заходили в сувенирные лавки, книжные магазины, частные картинные галереи... Ярослав всюду встречал своих знакомых, сорил шутками и внимательно осматривал каждую «сладкую попку», что попадала в поле его охмелевшего зрения.

– И вот так каждый день... Идёшь на работу, возвращаешься с работы – всюду они. Аж глаза болят.

– Да, Ярослав, тут у тебя настоящий цветник. Каждая вторая – королева красоты.

– Я бы их всех...

– ... в гарем поместил, да?

– Это идея! Только денег нет на них всех.

– А ты ограбь пару банок, угони несколько иномарок, продай почку... Какое-то время продержишься.

– Разве что так. Это же страшная несправедливость, Андрас... Столько красивых девушек и моя актёрская зарплата! Две вещи несовместные, как говорится.

– Ты один сейчас?

– Как ты мог такое подумать! Сейчас с тремя встречаюсь, выбираю. Так прямо им и говорю: «Ждите, я ещё не определился».

– А что они?

– Они в подвешенном состоянии. Одна разведёнка, почти моего возраста, другая – студентка, третья – мать двоих детей, в магазине ювелирном работает... Все трое нуждаются. Но сейчас многие нуждаются. Это у меня две квартиры от родственников остались. Могу себе кое-что позволить.

– И он ещё говорит мне о безденежье... Спонсируешь, значит?

– Да, Андрас, спонсирую. Хочешь нежности и ласки – плати. Я спокойно к этому отношусь. После Марии ни в кого пока не влюбился. Просто гуляю. Наслаждаюсь своим положением. Знаешь, Андрас, современный мир – это бордель, населённый капризными шлюхами и жадными сутенёрами.

– Надо это запомнить.

– Ага, запиши себе, дарю... Сейчас зайдём к одному фотографу. У него всегда какая-нибудь девка сидит. Только затариться надо. Купим две коньяка и одну мартины. Ты как, держишься?

– Да я в порядке. Немного в сон клонит, а так всё путём.

– Сейчас будет повеселее. Девушки будут. Я тебе гарантирую. Если ещё не сидят в его студии, то он вызовет. Мы его Цветочек зовём.

– Почему?

– Девушки к нему летят, как пчёлки на пыльцу. Сам увидишь.

Купив спиртное, они ещё какое-то время петляли коротенькими, заложеными брусчаткой, улицами L., а затем, как будто случайно, остановились возле ворот под жёлтой аркой. Ярослав набрал код, и одна из створок открылась в тёмный атриум с гладким каменным полом. Цветочек встретил их на последних ступеньках пожарной лестницы, поднимавшейся прямо ко второму этажу старого польского люкса.

– Цветочек, ты один? – наигранным шёпотом спросил у фотографа Ярослав.

– Да где там... Сидят две сестрички. Фотосессия им нужна. Сейчас детали обговариваем.

– Это нам подходит.

– Вина-то взяли?

– Мог бы и не спрашивать.

– Ну, всё, лезьте в гору...

7.

Андрас проснулся от приятного ощущения внизу живота. Увидев перед собой движущуюся копну белых волос, он вздрогнул, но затем быстро вспомнил вчерашнее и расслабился. Он погладил эти окрашенные в белый цвет волосы и всхлипнул от очередной волны наслаждения. Рядом лежала ещё одна девушка, чьи ноги просились на обложку журнала Maxim. С его набухшей плотью работали весьма умело. Давно он не переживал такого. Близость с женой за

последние годы выродилась в еженедельную церемонию, от которой он больше не мог получить настоящей радости. Услугами девочек по вызову Андрас пользовался редко, флирт в интернете считал бесполезной тратой времени. Оставалось одно – размышлял он в одиночестве – завести замужнюю любовницу или, лучше всего, содержанку, которая смогла бы качественно утолять его неотступную жажду слияния с женщиной.

Владелицу копны белых волос звали Наташа, а её подругу с безупречно модельными ногами – Евгения. Девушки получали высшее экономическое и снимали однокомнатную квартиру где-то на глухой периферии L. Теперь они голые лежали в широкой постели, под одним одеялом с волосатым венгром, который даже в похмельном виде оставался любезным и согласным на любые траты. С иностранцами они встречались и раньше. Больше всего не любили индусов, но охотно шли в номера к немцам и англичанам. У Цветочка они действительно хотели заказать фотосессию, которое требовало от них одно местное эскорт-агентство. После учёбы обе девушки хотели остаться в L., чтобы почаще видеться с богатыми туристами из шенгенской зоны. Наташа принципиально не гуляла с местными парнями, тогда как у Евгении уже год длился роман с неким Стефаном, работавшим менеджером в консалтинговом агентстве.

Андрас спрашивал подружек с неподдельным интересом, а потому узнал об их жизни самые трепетные подробности. Наташа положила голову ему на живот, а Евгения прильнула к его развитому зальными тренировками плечу. Потом они ласкали друг друга и целовались, никуда не спеша, наслаждаясь каждым прикосновением, возбуждаясь, поочередно принимая в себя мужскую плоть и разрешаясь в счастливых столах. Далеко за полдень, уставшая от любви и горизонтального положения, троица спустилась на первый этаж отеля и заказала себе плотный обед. После обеда и ничего не значащей болтовни Андрас записал телефоны девушек, посадил их в такси и отправился в театр – посмотреть на игру Ярослава.

Возле театра уже роилась разнообразная публика, которая многозначительно, а временами и призывно смотрела на проходящих мимо горожан, как будто разыгрывая перед ними уличный спектакль. Билеты прямо на входе проверял лысоватый мужчина с лисьим оскалом на подвижном лице. Андрас сказал, что он от Ярослава П-кого и был пропущен внутрь без лишних вопросов. Публика шумела и долго усаживалась на старые, обитые красным плюшем, кресла. Выключили свет, откуда-то сбоку зазвучала бодрая музыка и занавес медленно пополз вверх. Зал тут же умолк, и только всполохи телефонных экранов напоминали о том, что тишина эта мнимая и скрывает в себе вещи весьма далёкие от искусства.

Актёры играли живо, но при этом чересчур буквально, а потому не могли переместить зрителя в иную реальность и подарить ему те сказочные ощущения, которые отличают хорошую постановку от неудачной. И хоть пьеса Уайльда – на сцене играли «Как важно быть серьёзным» – не требовала от актёров особой пластики, спектаклю не хватало изящества и непринуждённости, а потому Андрас, хорошо знавший сюжет, через двадцать минут перестал следить даже за Ярославом в роли Джона Уординга. Зато ему приглянулась одна женщина из третьего ряда, профиль которой при перемене освещения то ярко озарялся, то вновь пропадал во тьме зала. Она внимательно следила за сценой, не меняя положения головы, не отвлекаясь на телефон... Андрас заметил родинку на её правой скуле и довольно глубокую складку в уголке рта; её изящно уложенные тёмно-русые волосы в свете софитов давали красивый отблеск перьев лесной птицы. Один раз она обернулась в сторону Андраса, небрежно скользнув по нему светящейся зеленью больших глаз.

Понимая, что вряд ли познакомится с этой женщиной на улице, Андрас решил проследить за ней. Способность заглядывать во внутренний мир людей усилием творческой интуиции позволила Андрасу предположить, что заинтересовавшая его женщина одинока. Он следовал за ней на максимально возможном отдалении, но при этом внимательно изучал со всех видимых сторон. С женщинами у Андраса была особая энергетическая связь, о которой он узнал ещё в студенческие годы, а со временем научился умело пользоваться ей. Он мог, к при-

меру, пристально посмотреть в затылок какой-нибудь красотке и заставить её обернуться. Мог сесть рядом с любой женщиной, вообразить особую нить, связывающую его тело с её, и начать мысленно ласкать незнакомку, вызывая у той волнение, чувство стыда и неотступное желание близости с неизвестным мужчиной. Кроме того, он был внимательным любовником и верным хранителем тайн женского сердца.

Расстояние между Андрасом и объектом его интереса то увеличивалось, то резко уменьшалось, отражая быстрые перемены в настроении преследователя: от нерешительности до нетерпения. Впрочем, долго идти за женщиной из театра Андрасу не довелось. Свернув в узкий переулок, она остановилась возле двери подъезда и занялась поиском ключей в недрах сумочки. Застав её в таком положении, Андрас вынужден был пройти мимо, но успел до поворота в другую улицу обернуться и ещё раз полюбоваться силуэтом незнакомого женского тела.

8.

Цветочек хорошо выпил и теперь без усталости сыпал историями о своих артистических буднях приличной давности. Ярослав слушал их с застывшей на лице улыбкой, временами подпуская ядовитые шпильки замечаний. Андрас то с интересом внимал Цветочку, то отрешённо курил, стараясь не встречаться взглядом с полноватой натурщицей, фривольно разлётшейся перед ним на диване. Натурщицу звали Милена, но пьяный Цветочек низвёл её до Милки, чему та нисколько не противилась. Переворачиваясь с боку на бок и поочерёдно загибая аппетитные ножки, Милка показывала что-то вроде стриптиза, только очень лёгкого, дружеского и ни к чему не обязывающего. Ярослав бросал на её тело хищные взгляды и лукаво подмигивал Андрасу. Цветочек всё подмечал, но делал вид, что упоён автобиографическим монологом и окружающая реальность полностью утратила для него значение...

Когда Ярослав и Милка заперлись в кухне, Цветочек достал из сейфа несколько альбомов с чёрно-белыми и цветными фотографиями. Один из них был полностью посвящён L., но не тому L., который фиксируют на бесчисленных фото поверхностные туристы, а его невидимой стороне, состоящей из Богом забытых улиц, странно одетых людей и мистического соединения природы с архитектурой. В других альбомах хранились фотографии из частых командировок и турпоездки Цветочка, которыми он особенно гордился. Перед глазами Андраса пронеслись лица простых работяг и директоров предприятий, африканские пейзажи, стройки века, полевые работы, стихийные бедствия... Был у Цветочка и ещё один, быть может самый заветный, альбом. Состоял он целиком из портретов женщин, коих ему довелось встречать, знать и любить в присутствии фотокамеры. Толстый и засаленный, этот альбом, как видно, вызывал у знакомых Цветочка наибольший интерес.

Андрас внимательно разглядывал женские лица разных лет: было заметно, что наивность и простота со временем уступили место распущенности и эгоизму. Впрочем, красота так и оставалась красотой, невзирая на тотальную порчу нравов. Перевернув очередную страницу «женского» фотоальбома, Андрас чуть не сорвался от удивления с места. Из-под высокого чувственного лба на него глядели волнительно зелёные глаза, в которых он увидел себя, свою любовь и, быть может, своё ближайшее будущее.

– Ты знаешь эту женщину?

– Это прошлогодний снимок... Ганна Белецкая... Куратор выставок и поэтесса. В нашей главной галерее работает.

– В каких вы отношениях?

– Общались раза три... Но, если надо, я вас познакомлю. Послезавтра в центральную галерею привозят алтайский цикл Рериха. Она непременно там появится. Забегай и ты.

– Прилечу!

– Классная баба, с характером и не пустая.

– Я так и подумал.

– И разведённая, кстати.

– Это не имеет значения...

Из кухни вышли Ярослав с Милкой, спокойные и улыбчивые, сели рядышком на диван и закурили. В них жило какое-то высшее чувственное умиротворение. Как будто они сначала умерли, а затем снова родились на свет, познав в момент перехода из одного положения в другое истину бытия. Цветочек посмотрел на них сквозь хитрый прищур, а затем быстро поднял со стола Canon, прицелился и несколько раз нажал на кнопку съёмки. Ярослав и Милка смутились. Андрас неожиданно для самого себя рассмеялся. Остаток вечера он провёл с мыслями о Ганне, знакомство с которой обещало ему яркие любовные переживания.

9.

– А сколько лет твоему сыну?

– Через год в школу должен пойти.

– Ты знаешь, я ведь просто так спросила... Дети меня никогда не интересовали. Знаю, что не смогла бы тратить на них своё время.

– У тебя есть кто-то?

– Нет, но это временно. Всегда кто-нибудь находится. У меня столько общения каждый день... В том числе и с мужчинами. У меня ведь был муж...

– Изменила?

– Изменила... Только он по другой причине ушёл. Ему домохозяйка нужна была, мамочка... А сначала он божился, что хочет свободных отношений. Он как художник начал... Потом понял, что не его это дело и в бизнес подался. Сначала продавал канцтовары, потом на бытовую химию переключился. Одним словом, его дела пошли в гору, а наши отношения поползли вниз.

– Не смогла быть женой бизнесмена?

– Слушай, чувствую себя как на интервью.

– Мне правда интересно знать, как ты стала такой...

– ... гордой и одинокой. Ты ведь об этом подумал?

– Да, подумал... Ганя, ты мне нравишься, и я бы хотел узнать тебя так, как ты сама себя знаешь. Это подросткам необходим туман иллюзий, а нам с тобой хватит и обычной искренности.

– Ты забываешь, что я ещё и поэт.

– Поэты тоже разными бывают, согласись?

– Соглашусь. Просто я не хочу копаться в себе... Ладно, ты о муже спрашивал. Так вот, он стал прилично зарабатывать, в мои дела всё меньше вникал... А мне было скучно то, чем он занимается. Одним словом, я переспала со знакомым арт-критиком, потом с художником... Про художника он каким-то образом узнал и очень расстроился. Хотя, я уверена, что у него тоже были интрижки с менеджерками всякими, но ведь не пойман – не вор. С другой стороны, он меня любил и разводиться не хотел... Это я его вынудила признать, что мы не пара. Всё, Андрас, не хочу об этом больше.

– Я понял. В гости пригласишь?

– А презервативы у тебя есть?

– Да, к счастью.

– А у меня есть бутылка отличного французского коньяка. Кстати, её мне бывший муж на день рождения подарил.

– Молодец какой...

– Ты хоть немножечко в меня влюблён?

– Думаю, что даже множечко.

– Тогда поцелуй меня прямо здесь. Видишь, какая луна висит... Я люблю такие вечера. Поцелуй меня под луной...

Они торопливо открыли дверь уже знакомого Андрасу подъезда и поднялись на третий этаж дома с лестничными пролётами, оформленными в стиле ар-деко. Сквозь витражи сочился сказочный вечерний свет. Андрас и верил, и не верил, что всё это происходит с ним, венгерским архитектором, мужем Илоны, отцом Бартаса... Да, он скучал по такой жизни, искал её, но теперь, когда она сама его нашла, в душе зародилось сомнение – правильно ли я поступаю? моё ли это? И всё же, волевым усилием он смог сосредоточиться на своих расцветающих любовных чувствах и отогнать назойливых мух сомнения.

В квартире Ганны царил причудливая эклектика. На карпатских домотканых коврах разместились советские стулья, кушетка позапрошлого века была укрыта синтетической накидкой, икеевский стеллаж стоял забитый книгами, нижним бельём, бытовыми приборами, туалетной бумагой...

– Ты не против, если мы сразу же разденемся? – спросила Ганна самым будничным голосом.

– Хочешь, чтобы мы пили коньяк голыми?

– Да, именно. Я же у себя дома. А ты, как гость, должен подчиняться моим правилам. Вот прислушайся... Пили коньяк голыми дикая и брюнэт... Вечер пах маттиолами... Вечер сходил на нет... Может быть на мгновение... Может – на целый год... Этих двоих сближение... Этой луны восход...

– Откуда это? Из твоего раннего?

– Сочиняю на ходу... И даже на скаку.

– Почитаешь мне что-нибудь ещё?

– Обязательно. Только раздевайся побыстрее. Хочу видеть тебя всего.

– Ты такая нетерпеливая.

– А ты такой скромный.

– Я?! Нет... Просто растягиваю прекрасный миг. Вдруг, всё это лишь наваждение, и я на самом деле не здесь, с тобой, в доме с витражами, а лежу где-нибудь в сырой канаве, на въезде в L. и понемногу расстаюсь с жизнью... И последнее видение этой жизни – ты.

– Не самое плохое видение, правда?

– Самое желанное.

– Как я тебе без одежды?

– Поэзия во плоти.

– Смеёшься?

– Соблазняя.

10.

Утром они вместе отправились гулять по L. После ночной близости с женщиной, которой у неё не было уже полгода, Ганна сделалась мягче и соглашалась почти с каждым замечанием Андраса. Они взойшли на Замковую гору и вместе с роящимися на смотровой площадке туристами некоторое время созерцали шпили, купола, звонницы и крыши самого парадоксального города Восточной Европы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.